

ОТ УНИФИКАЦИИ К СПЕЦИФИКАМ: РЕГИОНАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ВТОРАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX века)¹

А.Н. Бикташева

Аннотация. Несбыточной реформой в области местного управления считается «наместническая программа» Александра I, получившая реализацию во внутренних губерниях Российской империи (с 1819 г.). Этот проект унификации генерал-губернаторского посредничества был свернут в самом начале правления Николая I. Не отказываясь от этой модели в целом, начался поиск новых возможностей по усовершенствованию губернского управления. Изучение эволюции шаблонов отчетной документации губернаторов (1828, 1837, 1842, 1853), практическая ее наполняемость, анализ донесений жандармских офицеров свидетельствуют о формировании имперской региональной политики, нацеленной на знание специфики управления отдельными территориями Российской империи.

Ключевые слова: Российская империя, региональное управление, отчет губернатора, министерство внутренних дел, административные практики.

Бикташева Алсу Назимовна, доктор исторических наук, профессор Школы исторических наук гуманитарного факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, abiktasheva@hse.ru.

¹ Статья написана в рамках научного проекта (№ 15-01-0105), выполненного при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2015–2016 гг.

FROM UNIFICATION TO SPECIFICITIES: REGIONAL ADMINISTRATION IN THE RUSSIAN EMPIRE (SECOND QUARTER OF THE XIXTH CENTURY)

A.N. Biktasheva

Abstract. The article focuses on the project of local administration known as the 'governor program' of Alexander I. It was implemented in the interior provinces of the Russian Empire in 1819. The project intended to unify the system of governor-general mediation, and it was dismantled at the start of Nicholas I's rule. Using the fundamental idea of the project, the Emperor wanted to re-organize administration of Russian governorates. The study of Governors' documentation (1828, 1837, 1842, 1853), its contents, and gendarme's reports allows us to reconstruct the imperial regional policy, based on the specificity of administrating separate regions of the Russian Empire.

Keywords: Russian Empire, regional administration, governor's report, the Ministry of the Inner, administrative practices.

Рассмотрение сочетаний в истории одного государства правовых, культурных и социальных систем подводит к необходимости изучения не только этой мозаичности, но и того, как она использовалась в интересах властей. Имперский режим позволил России в XIX в. стать самой большой межконтинентальной империей. Прагматика имперского администрирования вынуждала ориентироваться на существующую этническую, социальную и конфессиональную неоднородность присоединенных территорий, идти на уступки, искать компромиссы. Хотелось бы знать, какими способами верховная власть обеспечивала получение знаний об этих различиях, кто и как собирал интересующую информацию на локальном уровне. Иными словами, посредством каких административных практик проводились проверка и инвентаризация имперского многообразия в условиях дореформенной России.

Взгляд исследователя на российскую «имперскую ситуацию»² не с высоты птичьего полета, а с локального уровня приводит к убеждению, что Российская империя представляла собой сложное организованное административное пространство. Само наличие «многоуровневого разнообразия» земель не программировало появление территориально-ориентированного управления. Изучение губернских практик управления показало [Бикташева, 2012], что формирование региональной политики в Российской империи происходило постепенно, методом проб и отказа от программного управления по выдуманным или импортируемым моделям, игнорировавшим местные различия. Началось все с предоставления политических прав Финляндии (1809), Царству Польскому (1815), но эти эксперименты не означали отказа от идеи унифицированного управления, а скорее напоминали особый режим для «окраинных» территорий.

Государственная уставная грамота Российской империи (1820), известная как проект общероссийской конституции, помимо федеративного устройства провозглашала сочетание централизма государственного управления с интересами местного представительства. Больше трети статей этого документа были посвящены местному управлению [Мироненко, 1989, с. 192], которое в соответствии с проектом Учреждения наместничеств (1816) должно было получить новое оформление. Для этого вся территория Российской империи была разбита на 12 генерал-губернаторских округов. Подтверждением местного реформирования могут служить начавшаяся реализация наместнической программы Александра I [Писарькова, 2012] (к 1823 г. уже было создано девять округов) и реформа М.М. Сперанского по управлению Сибири [Дамешек, 2012]. Его «Устав об управлении инородцами», «Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири», Сборник общего права сибирских инородцев для Западной Сибири признавали «исключения» как правовую норму. Таким образом, при Александре I преобразования, первоначально ориентированные на унификацию и универсальность управления, стали детализироваться имперской реальностью. Однако этим ожиданиям не суждено было свершиться в полной мере. Впоследствии решением Комитета 6 декабря

² См. подробнее: [Исторический курс ... 2015, с. 254–264].

1826 г. (Заседания 17, 18, 23, 29 апреля и 4 мая) [Ефимова, 2013] наместническая программа была свернута.

Потребность в региональной составляющей перешла по наследству в правление Николая I. Она порождалась предшествующим административным опытом, разрозненными локальными практиками по использованию «местных своеобразий». За отсутствием желаемого баланса общегосударственного и регионального управления правительство предпочитало обсуждать текущие территориально-административные проблемы в закрытом ведомственном формате многочисленных секретных комитетов с применением преимуществ «негласного надзора». Следует к тому же упомянуть, что отсутствие в России министерства колоний³ как институции, ответственной за происходящее внутри ее территорий, проявлялось в хронической «недоуправляемости». Вместе с тем в Петербург в различные ведомства стекалась и оседала информация о положении дел на местах.

Изучение реалий «имперской ситуации» возможно только при обращении к конкретно-историческому материалу. Такое убеждение появилось у автора статьи в ходе изучения опыта казанского губернаторства. Более пристальная оптика приводит к пониманию того, как была организована империя изнутри. Ведь одинаковые учреждения и единые административные образования, регулирующие универсальными правовыми нормами, в реальности могли значительно отличаться в зависимости от множества факторов [Ремнев, 2001, с. 122]. В данной статье хотелось бы обратить внимание читателя на способы сбора информации об этих факторах: социальных слоях, этнических группах, конфессиональных и экономических интересах и прочих местных особенностях на примере Казанской губернии. Интерпретации местных специфик были почерпнуты автором из ведомственной документации массовой циркуляции: губернаторских отчетов, донесений тайной полиции (III отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (далее – СЕИВК)). Эти же тексты проходили через стол императора. Обращение к такому роду источников обусловлено их многосложностью, позволяющей отследить потребности их структурирования, мотиваций изменения первоначальных шаблонов, матриц создаваемых инструкций, – всего того, что может выдавать интересы, потребности, ожидания их создателей. Ведь любой вопросник или шаблон отчетности демонстрируют не только ведомственные, но и политические намерения и в этой связи предоставляют возможность проследить эволюцию спускаемого документа, направленность собираемой информации.

Одним из видов массовых документов, пронизывающих властное пространство всей Российской империи, можно считать «Всеподданнейшие отчеты» губернаторов [Литвак, 1979а]. Их прочтение в рамках одной губернии позволяет увидеть «нужды» и вычленили особенности регионального управления в интерпретации губернатора. Казанская губерния используется здесь как исследовательский кейс. Она отличалась поликонфессиональным и полиэтническим составом населения,

³ Об этой проблеме см.: [Ремнев, 2010; Сандерланд, 2010; Эдкинд, 2013].

географически находилась на пограничье христианского и мусульманского миров, в хозяйственном отношении была одним из характерных для Поволжья аграрных регионов с промышленно развитым городским центром.

Существующие по сей день подходы к изучению губернаторских отчетов сложились в рамках советской историографии 1960–1970-х годов [Улащик, 1961; Дятлова, 1964; Нифонтов, 1968; Литвак, 1979b; Смыков, Хамитбаева, 1980]. С падением интереса к аграрным исследованиям в нашей стране снизилось внимание и к губернаторским отчетам. В начале 1990-х они вновь стали активно использоваться, но уже в связи с изучением регионального управления Российской империи [Ноздрин, 1991; Матханова, 2000; Акульшин, 2005].

Прочтение отчетов казанских губернаторов позволило автору статьи откорректировать утверждение Б.Г. Литвака, что унификация этих текстов «оставляла очень мало места для проявления личных качеств и мыслей губернатора, если бы он даже на это решился» [Литвак, 1979b, с. 148]. Действительно, унификация способствовала «оскудению» языка отчетного материала. Однако она не скрывала инициативы наиболее деятельных губернаторов. К тому же сама эволюция шаблона губернаторского отчета демонстрирует эволюцию взаимодействия центральной и местной власти. Шаблон «Всепопданнейшего отчета» в правление Александра I состоял из трех разделов со статистическими приложениями в виде сводных ведомостей. Трехчастный шаблон отчета предоставлял возможность каждому губернатору активно участвовать в социальной и экономической жизни страны. Добрая треть ежегодного губернаторского отчета посвящалась мнениям, предложениям и инициативам глав губерний. Независимо от того, кто проводил техническую обработку и подготовку отчета, будь то правитель канцелярии или чиновник по особым поручениям, ответственность за его содержание закреплялась подписью губернатора. Таким образом, с 1804 г. «Всепопданнейший отчет» стал регулярным каналом общения губернаторов с верховной властью. Посредническую роль в этой коммуникативной цепи играло Министерство внутренних дел.

Вместе с тем министерские ожидания не сразу оправдались. Губернаторы представляли отчеты нерегулярно, многие не понимали, что конкретно от них хотят получить. Их настораживали расплывчатость требований, произвольность трактовок их мнений. Но были и те, кто сразу уловил посредническую значимость отчета для проговаривания «нужд» и местных управленческих специфик. К таковым по Казанской губернии относились нехватка полицейских чинов, состояние дорог для торговой Казани, нехватка чистой и здоровой воды. Помимо полицейских и санитарных проблем были и другие. В губернаторском отчете Б.А. Мансурова за 1805 г. излагалась целая программа необходимых административных преобразований. Его знания о конфессиональных «нуждах» коренного населения проявились в намерении поддержать стремление «татар казанской и соседственных с нею пензенской, нижегородской и саратовской губерний о учреждении здесь в Казани особого духовного по их закону управления, которое бы не было зависимо от оренбургского муфтия по делам злоупотреблений мулов, предоставлении развода,

имущественного права наследования...» [РГИА, ф. 1281, оп. 11 д. 49, л. 54 об–56, 217, 246]. И в этом казанский губернатор был не одинок. Оренбургское магометанское духовное собрание находилось тогда под юрисдикцией обер-прокурора Святейшего Синода. Затем оно вошло в состав Главного управления духовных дел иностранных исповеданий, а с 1817 г. подчинялось Министерству духовных дел и народного просвещения.

Безусловно, не все проекты губернаторов реализовывались. Многие вязли и угасали в рутине министерского делопроизводства. На большинство просьб не хватало средств у государства. Начальники губернии искали возможности разрешения финансовых проблем за счет городских доходов, а это требовало времени, упорства, знания законодательства. Дело, начатое одним правителем, как правило, продолжалось другим. Итак, первый шаблон губернаторского отчета предоставил возможность вносить коррективы и инициативы в управление социальной и экономической жизнью страны.

Вероятно, не каждый глава губернии решался на это, предпочитая оставаться незамеченным, скрываясь за столбиками цифр, «объективностью» показателей и беспристрастностью «делового слога». Неэффективность трехчастного шаблона побудила правительство изменить структуру и, как следствие, само назначение отчета. Об этом свидетельствуют интенсивные поиски нового формуляра отчетности губернаторов в 1828, 1837, 1842, 1853 гг. Регламентация матрицы документа завершилась в николаевскую эпоху, когда требование неукоснительного соблюдения формуляра стало приоритетным по отношению ко всему многообразию административной работы. В новых формах отчетной документации стал превалировать комплексный подход, выводящий жизнь губернии за рамки компетенций одного министерства. Губернаторский отчет потерял значение «мнения-донесения». В нем сильно сократилась нарративная часть.

Правила составления отчета за 1828 г. требовали сведений для четырех департаментов МВД: полиции исполнительной, хозяйственному, государственного хозяйства и публичных зданий и медицинскому департаменту. «Отчет о состоянии губернии и управлению ею» за 1837 г. впервые ввел структуру текста, основанную не на министерском (департаментском) его членении, а на разностороннем освещении развития региона [Минаков, 2011, с. 203]. Теперь губернаторы должны были заполнить 16 пунктов: движение народонаселения в губернии, состояние урожая и вообще средств народного продовольствия, состояние народного здоровья, состояние народной нравственности и прочие [ПСЗ-2, № 10303, § 319]. Заполнение последних двух позиций – «разные сведения и замечания», «общие виды и предложения» – предполагало получение сведений о региональных проблемах. И здесь МВД не сумело приучить губернаторов писать под копирку и обрести «сравнимые данные в целом по стране». После этого программу 1837 г. «заклишировали», переработав ее в «образцовые» отчеты 1842 и 1853 гг. [Литвак, 1979b, с. 146–147]. Личную инициативу губернатор вписывал в незначительные по объему разделы – «виды предположения» и «заключение».

Его диалог с министром и императором обрел исключительно исполнительную тональность.

В правление Николая I в логике структурирования губернаторской отчетности прослеживается явный разворот к местным различиям, о чем свидетельствуют изменения его шаблона. Отчетность 1837 г. фиксировала целый спектр «всеподданнейших интересов», в число которых входило и «состояние народной нравственности». И если поначалу каждый начальник губернии вкладывал в этот пункт свое произвольное понимание вопроса, то уже новая форма «образцового отчета» 1842 г. ориентировала на подачу характеристик народов, проживавших в данной местности [НА РТ, ф. 1, оп. 2, д. 351]. Поставщиками интересующей губернатора и верховную власть информации стали земские исправники [НА РТ, ф. 1, оп. 2, д. 351, л. 212, 289, 395]. По-видимому, эти сведения должны были настроить местные власти на осознание и описание природы этнических различий, а для Петербурга получение информации об имперских своеобразиях отныне стало обязательной административной практикой. В Казанской губернии эта инициатива министерства была воспринята с пониманием. О культурном и этническом своеобразии края вразнобой и по разным поводам писали практически все гражданские губернаторы. И в том, что путешествие Николая I в 1836 г. пролегало по поволжским губерниям, а затем произошла коррекция форм губернаторской отчетности, видятся вещи взаимосвязанные.

Особый интерес представляет организационный период встречи императора в Казани [НА РТ, ф. 1, оп. 2, д. 154]. Сопутствующая этому событию переписка демонстрирует интересы как принимающей, так и приезжающей стороны. Военный губернатор С.С. Стрекалов намеревался в момент посещения императором Казани вручить ему свой отчет за 1832–1836 гг., то есть время управления губернией. Текст и статистические материалы готовились заранее. Подготовка этого документа стимулировала переписку между губернаторами прилегающих губерний по маршруту следования царя и его свиты, а также между казанским военным губернатором и А.Х. Бенкендорфом, возглавлявшем Императорскую главную квартиру, между губернатором и чиновником по особым поручениям и другими.

5 августа 1836 г. Стрекалов написал несколько писем. Одно направлено в Москву А.Х. Бенкендорфу [НА РТ, ф. 1, оп. 2, д. 154, л. 36–37], другое – Царевококшайскому исправнику барону А.А. Келлеру [НА РТ, ф. 1, оп. 2, д. 117, л. 80–81]. В первом сообщалось, что казанское дворянство «просит осчастливить» в день празднования коронации императора «принятием бала». Второе письмо наряду с другими, адресованными земским исправникам, содержало примечательные подробности. В нем писалось: «Милостивый государь мой, барон Александр Андреевич! Около 20 числа наступающего августа месяца Казань осчастливлена будет посещением Государя Императора. Так как вверенную мне губернию населяют инородцы, в других местах часто посещаемых Его Величеством мало известные или известные только по названию, то мне кажется приличным и должным будет представить Его Императорскому Величеству из всех здешних инородцев мужчину и женщину,

девочку и мальчика в праздничных каждого племени одеждах...» [НА РТ, ф. 1, оп. 2, д. 117, л. 80–81]. В письме перечислялись «небезобразные и не уродливые» черемисы, чувашаи, мордва и вотяки. Именовались они не иначе, как «полудикие племена». Губернатор просил прислать вместе с ними «краткие начертания их нравов».

Казалось бы, понятная и вполне традиционная костюмированная инсталляция, но именно она стимулировала составление земскими исправниками кратких описаний казанских инородцев. По каждому уезду стали создаваться списки жителей с делением их на крещенных и некрещеных. Собранные сведения составили сводные показатели по составу населения Казанской губернии и обрели отчетный вид в разделе «замечаний». Такой этнографический интерес оправдывался экономическими соображениями – налоговой состоятельностью. Вот как это выглядело: «о татарах. Татары, хотя в продолжение трех столетий покорны скипетру России. Однако до сего времени не могут совершенно присоединиться к своим победителям. Различия в правах, обычаях и вере, составляют главную тому причину, и, пока вполне не озарит их свет истинной религии, трудно достигнуть желаемой связи с новым их отечеством. Доказательством сему служит то, что когда празднуется день взятия Казани и покорения Царства, ни один татарин не является на место сего торжества. Сверх того, племя татар, предаваясь беспечной лени и праздности, выискивает все случаи к приобретению благосостояния своего средствами мелкими и часто порочными... недоимки лежат единственно на селениях магометанских... О черемисах, чувашах и прочих племенах. И мордва, и вотяки более, чем существом между собою различаются, из которых еще до 3 тыс. человек преданы идолопоклонничеству, ведут жизнь тихую и покойную. Они все – казенные крестьяне и вообще трезвые, трудолюбивы... Потребно много времени для образования и благоустройства сих полудиких племен. Одно из благодетельнейших мер было бы как для них, так и для татар, образование подобного управления над сими племенами, какое уже введено между казенными поселянами некоторых губерний, или существуют в удельных имениях... Российские крестьяне. Весьма трудолюбивы и промышленные подати и повинности платят исправно» [РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 1049].

Перед нами один из первых опытов административного осмысления «разностей управления», детерминированного этническими особенностями жителей. Полагаем, что значимость этой информации для правительства привела к появлению в форме губернаторского отчета нового раздела. Интерпретация пункта «о состоянии народной нравственности» даже у одного и того губернатора могла отличаться. Так, в отчете казанского военного губернатора С.П. Шипова, составленного за год до появления образцового формуляра 1842 г., «народная нравственность» увязывалась с ростом преступности. Это актуализировало этнические стереотипы: «...почти все магометане ленивы, преданы праздности, неге и роскоши, хитры, коварны...», «чувашаи в большинстве крещенные... отличаются кротостью характера», «мордва предана хлебопашеству... отличительная их черта характера – правдолюбие и гостеприимство», а вот черемисов и вотяков обвиняли в чрезмерном пьянстве

[РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 1461]. Составители таких справок плохо понимали, что от них требуется. Не будучи учеными людьми, земские исправники вынуждены были признаваться в этнических предрассудках.

Отсутствие единого взгляда на особенности положения нехристианских народов привело к очередной коррекции форм отчетности посредством образцового формуляра. После 1842 г. губернаторы стали обязаны подавать сведения о переходе в православие нехристианских народов (евреев, татар, черемис, чувашей, вотяков, мордвы), то есть взять на себя часть церковных функций. И что немаловажно, изменилось отношение к реалиям национальных различий. Свидетельством тому может служить подготовительный текст отчета губернатора С.П. Шипова за 1844 г. [НА РТ, ф. 1, оп. 2, д. 428, л. 66–69]. Пункт о «народной нравственности» был наполнен сведениями о преступлениях, совершенных в течение года, но уже без национальной привязки. Пункты «иноверцы» и «инородцы» предвосхищали цифровые свидетельства, но не для отсылки на данные очередной подушной ревизии, а чтобы заявить, что «обитающие в казанской губернии инородцы заслуживали бы особого об них попечения правительства, составляя около двух третей всего населения губернии».

Изменился и стиль отчетного письма. В нем появилась научная терминология. Теперь инородцы были представлены следующим образом: «...татары, живущие в г. Казани изменили во многом нравы свои и обычаи, приняли некоторое образование, довольно промышленны и время слияния их с прочими гражданами в одно тело политическое и религиозное уже недалеко» [НА РТ, ф. 1, оп. 2, д. 428, л. 67]. Отмечено негативное влияние татарских священнослужителей на мировоззрение мусульман, описано языческое состояние некрещеных чувашей, черемисов, вотяков и мордвы. При этом выводы губернатора имели патерналистское звучание. Приведем эту часть текста полностью: «Все сие инородцы находятся более трех веков под владычеством русским и еще не большие сделали успехи в гражданственности и образованности. Поселены, будучи на благородной и плодородной почве, обладая богатыми угодьями, находясь при больших реках судоходных, они имеют все средства быт весьма богатыми, но по грубому невежественному их состоянию они не умеют пользоваться теми обильными средствами благосостояния, которые природа им представляет».

В закамских уездах, по плодородию почвы и удобству сбыта произведений земли, некоторые помещичьи имения едва до 500 душ в себе заключающие, при умеренной законом определенной работе крестьянами на помещиков дают кроме казенных податей доходы до 25 т/р. ассигнациями и более, и поселяне находятся в превосходном положении. В тех же самых местах татарские селения при том же числе душ, при тех же и даже лучше угодьях приносят казенного оброка до 5 т/р. ассигнациями и находятся в бедности. Учреждение представляющие мирским обществам избрание волостных и сельских властей для русских поселян столь благотворное, во все с удобством не применяется к инородцам здесь обитающим. По малой их образованности, управление их чрез голов, старшин и мнимых

сельские расправы, из среды их избираемые или правильнее сказать, чрез писарей к ним определяемых, не может быть для правительства благонадежно и для самих крестьян полезно. Дабы подвинуть их к образованию, для развития собственного их благосостояния, нужны средства весьма сильные; необходимо, чтобы власть просвещенного начальника близко руководила их и надзирала за ними. Я убежден в том, что весьма полезно было в некоторых местах казанской губернии, казенные имения населенные инородцами на коих лежат недоимки, или в которых обнаруживается дух буйства и не покорности обратить их из оброчного положения на административное, отдавая таковые имения избранным от правительства лицам. При хорошем выборе сих лиц и хорошо соображенных правил такое управление может в 10 лет подвинуть их к образованию и благосостоянию более, нежели до того они столетиями подвергались» [НА РТ, ф. 1, оп. 2, д. 428, л. 68–69].

Итак, перед нами целостный проект экономического развития губернии, учитывающий различия, своеобразие и ее особенности. От их констатаций начальник губернии перешел к их освоению и применению в управленческой практике. Для этого он сформулировал свое видение этой «многовековой» проблемы, а затем обратился к вышестоящему начальству, которое, собственно, и стимулировало эти размышления. Теперь умозрительные различия приобретали реальную значимость, становились показателем эффективности устройства хозяйственной жизни. Во многом благодаря губернаторской отчетности, они стали видимыми в картине экономической жизни страны.

В анализируемых автором статьи текстах местные администраторы, ищущие повышения в чинах, излагали свое понимание культуры проживающих там этнических и социальных групп, их участия в экономике региона. Давали рекомендации центральным властям по улучшению их жизни с целью повышения эффективности губернского управления. Судя по содержанию губернаторской отчетности, восприятие инородцев (мусульман и других нехристианских групп населения) в хозяйственной жизни империи определялось, прежде всего, их фискальной рентабельностью и сословным положением, а не этническим происхождением [Слезкин, 2008, с. 104–105], отсюда и производственная зависимость «губернаторского взгляда» от состава населения «вверенной ему губернии».

Помимо официальной отчетности основным поставщиком информации о положении дел в губерниях стали донесения жандармских штаб-офицеров. Именной указ 28 апреля 1827 г. «Об учреждении пяти округов жандармского корпуса» [ПСЗ-2, № 1062] во главе с генерал-адъютантом А.Х. Бенкендорфом учредил российский корпус жандармов. С этого момента коммуникативное пространство империи стало наполняться их тайными сводками, которые стекались в единый «наблюдательный» центр, находящийся под личной опекой императора. Иными словами, функцию обратной связи власти и населения начали выполнять донесения жандармских штаб-офицеров. Поскольку со второй четверти XIX в. жандармские штаб-офицеры служили основными поставщиками сведений о состоянии органов и «лиц» местного управления, умонастроений губернского и уездного дворянства,

а также прочих сословий, религиозных конфессий, то расшифровки их донесений позволяет судить о способах получения нового знания и его участии в политических решениях. Вот один из примеров такого участия.

Известно, что после восстания в Польше 1830–1831 гг. практика миссионерской деятельности среди язычников Поволжья получила новый импульс. Ее итогом стало открытие в Казани 30 июня 1842 г. Духовной академии, в которой появилось два миссионерских отделения для подготовки проповедников среди мусульман и язычников. Не стояли в стороне от этих событий и местные жандармские офицеры. В августе 1831 г. жандармский полковник Маслов составил донесение «О состоянии Казанской губернии и о населяющих оную инородцев» [ГАРФ, ф. 109, 1 экспедиция, оп. 6 (1831), д. 529, л. 1–218].

Губернские жандармы старались не только координировать взаимоотношения коренного населения с местной администрацией, но и отслеживали появление и распространение слухов среди мусульман о возможной христианизации. Так, начальник 5-го жандармского округа в январе 1833 г. сообщил А.Х. Бенкендорфу о причинах распространения слухов среди мусульман Симбирской губернии [ГАРФ, ф. 109, 1 экспедиция, оп. 8 (1833), д. 14, л. 1–2]. Затем он ставит в известность казанского архиепископа Филарета о допущенной «неосторожности» духовной консисторией при собирании сведений о месте жительства инородцев. Одновременно оповещает казанского военного губернатора С.С. Стрекалова о мерах по предотвращению циркуляции подобных слухов. Подобные расследования проводились неоднократно и по другим примыкающим к Казани губерниям. Приведенные сюжеты демонстрируют пристальный интерес наблюдательной полиции к состоянию этнических и религиозных отношений в империи. Ее посредничество заключалось в оперативном осведомлении и недопущении общественных конфликтов на этой почве. Значимость ее политической экспертизы (Царстве Польском, Закавказье, Финляндии) сделала III отделение СЕИВК равным участником обсуждения моделей имперского управления. Иными словами, экспертное мнение этого ведомства может служить ценнейшим информационным дополнением для изучения имперской ситуации в условиях николаевской России.

Как видим, при Николае I имперская организация управления продолжала выстраиваться как компромисс между локальностью и универсализмом. Характерное для этого времени конструирование территориально-ориентированного управления нашло свое закрепление в Своде законов, обнаруживается в логике правительственных решений по созданию «территориальных» комитетов. В своем большинстве они были созданы в 1830–1840-е гг., подменяя собой высшие административные и законосовещательные органы (Комитет министров и Государственный совет). Отчего известный историк государственного права Н.М. Коркунов предложил именовать их не иначе как «верховное областное управление» [Коркунов, 1909].

На этом этапе региональная политика империи формировалась в просвещенческом духе упорядоченного полицейского государства, и это не противоречило устоям

регулярности, не означало нивелирования этнических, религиозных, социальных различий. Наоборот, на государственном уровне проявились стойкий интерес, фиксация, а затем изучение локальных специфик. Способствовало тому польское восстание 1830–1831 гг. Его события оказали прямое воздействие на пересмотр управления внутренними территориями России, послужили поводом для ревизии и инвентаризации имперских реалий. Появилась необходимость получения новых источников знаний. Таковыми становились медико-топографические описания различных регионов империи [Вишленкова, 2011], научная отчетность этнографического отделения Русского географического общества, статистическая продукция министерства госимуществ и министерства внутренних дел. Да и выезды императора (путешествия) скорее походили на верховную ревизию с последующими изменениями в управлении посещаемого региона.

Исследуя административные практики, с помощью которых имперские власти осуществляли региональное управление, создается впечатление, что на этом этапе их не столько заботило единообразие подданных, а их лояльность. А официальное признание и закрепление различий способствовали укреплению правопорядка, упорядочивали налогообложение, обеспечивали службу в армии. Иными словами, различия при Николае I стали восприниматься «как данность, как шанс, а не как навязчивая идея» [Бурбанк, Купер, 2010, с. 339].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Акульшин П.В. Реформаторские планы и провинциальная реальность: губернаторские отчеты первых лет правления Александра I (на материалах Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний) // *Вестник Рязанского государственного педагогического университета им. С.А. Есенина*. 2005. № 1. С. 66–73.

Бикташева А.Н. Антропология власти: казанские губернаторы первой половины XIX века. М.: Новый хронограф, 2012. 496 с.

Бурбанк Д., Купер Ф. Траектория империи // *Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма*. М.: Новое издательство, 2010. С. 325–361.

Вишленкова Е.А. Медико-биологические объяснения социальных проблем России (вторая треть XIX века) // *История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр.* / под ред. А.В. Гладышева. Саратов; Ставрополь: СГУ, СКФУ, 2011. Вып. 4. С. 37–66.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. 1 экспедиция. Оп. 6 (1831). Д. 529.

ГАРФ. Ф. 109. 1 экспедиция. Оп. 8 (1833). Д. 14.

Дамешек И.Л. Сибирская ревизия и реформы М.М. Сперанского 1822 г. // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «История»*. 2012. № 1 (2). С. 66–72.

Дятлова Н.П. Отчеты губернаторов как исторический источник // *Проблемы архивоведения и источниковедения*. Л.: Наука, 1964. С. 227–246.

Ефимова В.В. Причины введения и отмены генерал-губернаторств при Александре I // *Власть, общество, армия: от Павла I к Александру I*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. С. 148–149.

Исторический курс «Новая история Северной Евразии». Глава 8. Дилемма стабильности и прогресса: империя и реформы, XIX век // *Ab Imperio*. 2015. № 2. С. 254–264.

Коркунов Н.М. Русское государственное право. Изд. 6-е. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1909. Т. 2. С. 281–282.

Литвак Б.Г. Губернаторский годовой отчет // *Очерки источниковедения массовой документации XIX – начало XX вв.* М.: Наука, 1979а. С. 142–205.

Литвак Б.Г. О достоверности сведений губернаторских отчетов XIX в. // *Источниковедение отечественной истории*. М.: Наука, 1979б. С. 142–186.

Матханова Н.П. Губернаторские отчеты и жандармские донесения как источник по истории российского провинциального чиновничества середины XIX века // *Источники по русской истории и литературе: Средневековье и Новое время*. Вып. 19. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. С. 204–236.

Минаков А.С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений. Орел: Орлик, 2011. 488 с.

Мироненко С.В. Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в начале XIX в. М.: Наука, 1989. 240 с.

Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 1. Оп. 2. Д. 351.

НА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 117.

НА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 154.

НА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 428.

Нифонтов А.С. Статистика урожаев в России в XIX в. (по материалам губернаторских отчетов) // *Исторические записки*. 1968. Т. 81. С. 216–258.

Ноздрин Г.А. Отчеты губернаторов как источник по изучению колонизации Сибири во второй половине XIX века // *Влияние переселений на социально-экономическое развитие Сибири в эпоху капитализма*. Новосибирск: НГПИ, 1991. С. 26–38.

Писарькова Л.Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М.: Новый хронограф, 2012. 448 с.

Полное собрание законов Российской империи [Собрание Второе] (ПСЗ-2). № 1062. ПСЗ-2. № 10303. § 319.

Ремнев А.В. Имперское управление азиатскими регионами России в XIX – начале XX веков: некоторые итоги и перспективы изучения // *Пути познания истории России: новые походы и интерпретации*. М.: [б/и], 2001. С. 97–125.

Ремнев А.В. Российская власть в Сибири и на Дальнем Востоке: колониализм без министерства колоний – русский «Sonderweg»? // *Imperium inter pares: роль*

трансферов в истории Российской империи (1700–1917). М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 150–181.

Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1049.

РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1461.

РГИА Ф. 1281. Оп. 11. Д. 49.

Сандерланд В. Министерство Азиатской России: никогда не существовавшее, но имевшее для этого все шансы колониальное ведомство // *Imperium inter pares: роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)*. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 105–149.

Слезкин Ю. Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 516 с.

Смыков Ю.И., Хамитбаева Н.С. К вопросу о губернаторских отчетах второй половины XIX века // *Исследования по источниковедению истории Татарии*. Казань: Филиал АН СССР, 1980. С. 79–80.

Улащик Н.Н. Отчеты губернаторов Литвы и Западной Белоруссии как исторический источник (1804–1861) // *Проблемы источниковедения*. М.: Наука, 1961. Т. 9. С. 15–55.

Эдкинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.

REFERENCES

Akul'shin P.V. Reformatorskie plany i provincial'naja real'nost': gubernatorskie otchety pervyh let pravlenija Aleksandra I (na materialah Penzenskoj, Rjazanskoj, Tambovskoj i Tul'skoj gubernij) [Reformative plans and provincial reality: Governor reports of the first years of Alexander I reign: a case study of Penza, Ryazan, Tambov and Tula regions], in: *Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. S.A. Esenina*. 2005. № 1. P. 66–73 (in Russian).

Biktasheva A.N. *Antropologija vlasti: kazanskie gubernatory pervoj poloviny XIX veka* [The Anthropology of Administration: Kazan governors of the first half of XIX century]. Moscow: Novyj hronograf, 2012. 496 p. (in Russian).

Burbank D., Kuper F. Traektorija imperii [Trajectory of the Empire], in: *Mify i zabluzhdenia v izuchenii imperii i natsionalizma* [Myths and misconceptions in the study of empire and nationalism]. Moscow: Novoe Izdatel'stvo, 2010. P. 325–361 (in Russian).

Vishlenkova E.A. Mediko-biologicheskie objasnenija social'nyh problem Rossii (vtoraja tret' XIX veka) [Medical-biological renditions of the social problems in the Russian empire (the second third of the XIX c.)], in: *Istorija i istoricheskaja pamjat': mezhvuz. sb. nauch. tr. / pod red. A.V. Gladysheva*. Saratov, 2011. Vyp 4. P. 37–66 (in Russian).

State archive of the Russian Federation (GARF). F. 109. 1 expedition. Inv. 6 (1831). D. 529.

GARF. F. 109. 1 expedition. Inv. 8 (1833). D. 14.

Dameshek I.L. Sibirskaja revizija i reformy M.M. Speranskogo 1822 g. [Revision of Siberia and the Reforms of M.M. Speranskiy in 1822], in: *Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija "Istorija"*. 2012. № 1 (2). P. 66–72 (in Russian).

Djatlova N.P. Otchety gubernatorov kak istoricheskij istochnik [Reports of Governors as historical source], in: *Problemy arhivovedenija i istochnikovedenija* [Challenge of archival science and source study]. Leningrad, 1964. P. 227–246 (in Russian).

Efimova V.V. Prichiny vvedenija i otmeny general-gubernatorstv pri Aleksandre I [Russian Governor Generals during the reign of Alexander I: reasons for establishment and elimination of the post], in: *Vlast', obshhestvo, armija: ot Pavla I k Aleksandru I* [The Authority, the Society, the Army: from Pavel to Alexander the I]. St. Petersburg, 2013. P. 148–149 (in Russian).

Istoricheskij kurs "Novaja istorija Severnoj Evrazii". Glava 8. Dilemma stabil'nosti i progressa: imperija i reformy, XIX vek ["A new imperial history of Northern Eurasia": Chapter VIII. The dilemma of stability and progress: empire and reforms in the nineteenth century], in: *Ab Imperio*. 2015. № 2. P. 254–264 (in Russian).

Korkunov N.M. *Russkoe gosudarstvennoe pravo* [Russian political law]. Izd. 6-e. St. Petersburg: Tipografija M.M. Stasyulevicha, 1909. Vol. 2 (in Russian).

Litvak B.G. Gubernatorskij godovoj otchet [Annual report of governor], in: *Ocherki istochnikovedenija massovoj dokumentacii XIX – nachalo XX vv.* [Analytical review of mass documentation in the nineteenth and early twentieth centuries]. Moscow, 1979a. P. 142–205 (in Russian).

Litvak B.G. O dostovernosti svedenij gubernatorskih otchetov XIX v. [About accuracy of information in the governors' reports of XIX century], in: *Istochnikovedenie otechestvennoj istorii* [Source study of native history]. Moscow, 1979b. P. 142–186 (in Russian).

Mathanova N.P. *Gubernatorskie otchety i zhandarmskie donesenija kak istochnik po istorii rossijskogo provincial'nogo chinovnichestva serediny XIX veka* [Governors and gendarmes reports as a source of Russian provincial bureaucracy in the middle of XIX century], in: *Istochniki po russoj istorii i literature: Srednevekov'e i Novoe vremja*. Vyp. 19. Novosibirsk, 2000. P. 204–236 (in Russian).

Minakov A.S. *Gubernatorskij korpus i central'naja vlast': problema vzaimootnoshenij* [The governors and the central power: relationship problems]. Orel: Orlik, 2011. 448 p. (in Russian).

Mironenko S.V. *Samoderzhavie i reformy: politicheskaja bor'ba v Rossii v nachale XIX v.* [Sovereignty and reforms: political struggle in Russia in the early XIX century]. Moscow: Nauka, 1989. 240 p. (in Russian).

National Archives of the Republic of Tatarstan (NA RT). F. 1. Inv. 2. D. 351.

NA RT. F. 1. Inv. 2. D. 117.

NA RT. F. 1. Inv. 2. D. 154.

NA RT. F. 1. Inv. 2. D. 428.

Nifontov A.S. Statistika urozhaev v Rossii v XIX v. (po materialam gubernatorskih otchetov) [Harvest statistics in Russia at XIX century (a case of governors' reports study)], in: *Istoricheskie zapiski*. Moscow, 1968. Vol. 81. P. 216–258 (in Russian).

Nozdin G.A. Otchety gubernatorov kak istochnik po izucheniju kolonizacii Sibiri vo vtoroj polovine XIX veka) [Governors' reports as source of Siberian colonization study in the second part of XIX century], in: *Vlijanie pereselenij na social'no-jekonomicheskoe razvitie Sibiri v jepohu kapitalizma* [The impact of migration on social and economic development of Siberia in the era of capitalism]. Novosibirsk, 1991. P. 26–38 (in Russian).

Pisar'kova L.F. *Gosudarstvennoe upravlenie Rossii v pervoj chetverti XIX v.: zamysly, proekty, voploshhenie* [The political administration of Russia in the first quarter of XIX century]. Moscow: Novyj hronograf, 2012. 448 p. (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (Sobranie Vtoroe) [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire (Part 2)] (PSZ-2). № 1062.

PSZ-2. № 10303. § 319.

Remnev A.V. Imperskoe upravlenie aziatskimi regionami Rossii v XIX – nachale XX vekov: nekotorye itogi i perspektivy izuchenija [Imperial administration of Asian regions in Russia in the XIX – early XX c.: some results and prospects of research], in: *Puti poznaniya istorii Rossii: novye pohody i interpretacii* [Ways of knowing of Russian history: new approaches and interpretations]. Moscow, 2001. P. 97–125 (in Russian).

Remnev A.V. Rossijskaja vlast' v Sibiri i na Dal'nem Vostoke: kolonializm bez ministerstva kolonij – russkij "Sonderweg"? [Russian authority in Siberia and Far East: colonialism without the colonial ministry – is it Russian "Sonderweg"?], in: *Imperium inter pares: rol' transferov v istorii Rossijskoj imperii (1700–1917)*. [Imperium inter pares: the Role of transfers in the history of the Russian Empire: 1700–1917]. Moscow, 2010. P. 150–181 (in Russian).

Russian State Historical Archive (RGIA). F. 1263. Inv. 1. D. 1049.

RGIA. F. 1263. Inv. 1. D. 1461.

RGIA. F. 1281. Inv. 11. D. 49.

Sanderland V. Ministerstvo Aziatskoj Rossii: nikogda ne sushhestvovavshee, no imevshee dlja jetogo vse shansy kolonial'noe vedomstvo [The Ministry of Asiatic Russia: a colonial authority, never existing, but having all the chances for that], in: *Imperium inter pares: rol' transferov v istorii Rossijskoj imperii (1700–1917)* [Imperium inter pares: The Role of Transfers in Russian Imperial History]. Moscow, 2010. P. 105–149 (in Russian).

Slezkin Ju. *Arkticheskie zerkala. Rossija i malye narody Severa* [Arctic mirrors: Russia and the small peoples of the North]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. 516 p. (in Russian).

Smykov Ju.I., Hamitbaeva N.S. K voprosu o gubernatorskih otchetah vtoroj poloviny XIX veka [Revisiting the Role of governors' reports during the latter half of the nineteenth century], in: *Issledovanija po istochnikovedeniju istorii Tatarii* [Source study of the history of Tataria]. Kazan, 1980. P. 79–80 (in Russian).

Ulashik N.N. Otchety gubernatorov Litvy i Zapadnoj Belorussii kak istoricheskij istochnik (1804–1861) [Governors' reports of Lithuania and Western Belarus as a historical source (1804–1861)], in: *Problemy istochnikovedenija* [Problems of source study]. Moscow, 1961. Vol. 9. P. 15–55 (in Russian).

Jedkind A. *Vnutrennjaja kolonizacija. Imperskij opyt Rossii* [Internal colonization: Russia's imperial experience]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. 448 p. (in Russian).